

ЦЕНА СЧАСТЬЯ

Неожиданные повороты судьбы,
16+ Слезы, Любовь.

№ 11 (11) 2023 г.
Выходит 1 раз в месяц

Правдивые истории

**Шепот
реки**

**Цыганка
гадала**

**Насмешка
природы**

**Будь моим
папой**

**Я куплю себе
счастье**

ПОДПИСНЫЕ
ИНДЕКСЫ:

ПС542

«Подписные издания»
«Почты России»

92377 «Почта Крыма»

ПОДПИШИТЕСЬ
НА ПОЧТЕ
ИЛИ У ПОЧТАЛЬОНА
ПО ИНДЕКСАМ

Телевизор для матери

— Коль, а Коль! Совсем мать ополоумела. Чуть без сала не уехали. Сказала — в черную сумку положи, а она в пакет засунула с луком, в черный. Коль! А я смотрю — чего это в пакете, а это наше сало. Ведь чуть не уехали без него... Коль!

Николай махнул рукой. Не до этого ему было. Забот полон рот — сами разбирайтесь...

В доме Евдокимовых происходила невероятная суэта. Хозяева собирались в Москву. И не просто так, а на выставку достижений народного хозяйства. Совхоз был удостоен права стать участником этого престижнейшего мероприятия. Все правление ехало, а еще — свиарки. Выделен целый павильон.

Николай и жену записал как свиарку. Хоть и была она воспитателем детского сада. Но ведь — в Москву! И проезд бесплатный, и проживание за счет районных средств.

В их объединенном из четырех колхозов совхозе им. Ильича вырастили невероятных хряков и свиноматок. Победили они даже в области. И теперь... Москва!

Суетилась и баба Аня, мать Николая. Сын без конца встречал областное и районное начальство — те переживали еще больше. Ответственность-то какая — представлять область в Москве.

Гордилась мать сыном. Баба Аня была маленькая, щупленькая, с маленьким, как печеное яблочко, лицом. Жила она и с ними, и — нет.

Стояла во дворе большого дома старая летняя кухня. В нее когда-то переехали они с дедом, так там и остались. Внуков нянчила и жила потихоньку. Уже одна, деда давно не стало.

Хорошо жила. И ничего, что обои пузырились от сырости стен, что мебель ей сюда отдавали старую.

Нравилось ей тут. Вроде и со своими, помочь где — поможет, и не мешает никому. А чего мешать-то?! До того умный у нее сын, и такая хозяйственная невестка! Где уж ей — указы давать?

И жилье у них — хоромы. И техники полон дом. Телевизор и тот цветной. Анна захаживала, смотрела порой и дивилась. Так бы и сидела весь день у этого чудо-экрана, но неловко. Пора и честь знать. Стеснялась надоесть. А одна уж совсем не оставалась она у них, скромничала.

Впрочем, и всю жизнь Анна была такая. Тихая, робкая, работающая и бескорыстная. Никогда в лидеры не выбивалась, всю жизнь дояркой в колхозе проработала. Не выдающаяся. И как у нее такой сын только вышел?

Витька, внук, маленький еще был, увидел однажды, как бабушка за сараем плачет, к отцу кинулся. Тот мигом подбежал:

— Мам, чего случилось-то? Обидел кто?

А она скорее подскочила, утерла глаза платочком.

— Что ты, что ты, Коленька! Это от счастья я. И не думала, что сын мой председателем колхоза станет. Дед вот не дожил...

А теперь уж и вовсе состарилась Анна. Поздний у них Коля-то был и единственный. Ноги как бревна, сердце каждый день млеет, а этой осенью еще и спину так подрубил, что ходить стала баба Аня чуть вперед наклонившись. Сын уже — директор совхоза. И вот теперь — Москва!

В эти особенные дни она держалась что есть мочи. Помогала невестке по хозяйству, по сборам. Да и внуки на нее остаются, хоть и взрослые уже. Лиза так вообще девица, но все равно ж — дети.

— А почему нас не берут! — капризно надувала губы дочка. — Я тоже хочу в Москву.

— Ну, Лиз, ну не расстраивайся. А я тебе там все куплю, и кроссовки, и кофточки посмотрю, и пальто зимнее. И Витьку надо куртку, — Ольга боялась что-нибудь забыть.

— И колготки мне, мам, ты обещала! Такие — с рисунком.

— И колготки. А еще тете Свете ж, Гальке надо, и тетке Римме. Ну, записано все у меня. В блокнотик. Ой, Лиз! — Ольга рванула к ридикюлю. — А блокнотик-то я взяла? Уф, взяла... Хорошо, что мотоцикл продали, денег на все хватит...

Выставка выставкой, а в Москве побывать хотели все. Это ж такое событие! Заказы сыпались на всех отъезжающих. Был выделен в программе специальный день — прогулки по Москве. Экскурсии экскурсиями, а закупиться — это святое.

— Ну все! Нормально чтоб все тут! Бабушку не обижать!

Они усаживались в совхозную «Волгу», полученную недавно за особые заслуги, чтобы ехать на вокзал. Народ толпился. Провожали соседи и знакомые.

Анна стояла в сторонке. Маленькая, незаметная, чуть наклонившаяся вперед. Николай пошел:

— Ну, давай, мать! Ругай их, если че! Разрешаю...

А Анна была сильно взволнована своим упущением. Отругала ее невестка.

— Ты прости, Коль, с салом-то этим. Чуть ведь вас не подвела, дура старая.

— Да забудь... Там жратвы — роту прокормить можно.

Баба Анна перекрестила улетающую по пыльной грунтовке «Волгу» и отправилась в дом. Прибраться было еще нельзя — в дороге дети. До завтра — точно.

Прилегла баба Аня на диван и стала слушать, как Лиза с Галькой, подружкой, мечтают об обновках, что мать привезет. Хорошие мечты. Были и у нее когда-то такие же.

А теперь уж...

Мебель ей не нужна. Поотдавали дети свое старое — трюмо, сервант и шкафы кухонные. Кровать свою баба Аня ни на что не променяет, хоть и облупилось серебро с круглых набалдашников на высоком металлическом изголовье, и сетка панцирная провалилась. Но привыкла к ней баба Аня. Любила свою постель и подушки в накидушках, очень.

А обувь баба Аня все больше донашивала свою старую: тапки — летом, калоши резиновые да бурки — осенью, валенки — зимой. Одежда ей от Ольги доставалась. Та — модница страшная. И пары лет кофту не поносит, уж не нужна. А вещи добротные. Вот Анна и забыла, когда что-то новое себе покупала. Зачем ей?

Так под девчачьи разговоры-мечты и придремала.

А Николая с Ольгой закрутила поездка. За свиньями смотрели как за детьми малыми, берегли. Областное начальство, поехавшее с ними, оказалось совсем нещадным. И когда наконец дни выставки были позади и настал день закупок, свинарки как одурели. Им не интересны были экскурсии, они только и ждали, когда ж их отпустят в ГУМ и ЦУМ.

Николай настоялся в очередях, помогая жене в закупках колбасы, сгущенки, гречки, апельсинов. И когда дело дошло до одежды и обуви, он уже был без сил. Покупали ей самой, ему, детям, а еще близким и знакомым.

С тяжелыми сумками они таскались по Москве, метались в поисках дефицитных товаров.

Николаю пришлось провожать начальство на другой вокзал. И на Ярославский приехал он часа за полтора до отправки.

Бабы в зале ожидания хвастались покупками. Рассматривали приобретения друг друга.

Ольга расстроилась:

— Коль, вишь, Семенова магнитофон взяла

импортный. И как только смогла?! Случайно, говорит. Врет, наверное. Просто место знала и ведь никому ни слова не сказала! А нам так надо Витьку бы — и не нашли, — Ольга помолчала, надув губы, а потом начала себя успокаивать. — Ну и что! А мы тоже молодцы, тебе такие ботинки достали! Лизке — джинсы фирменные, пальто и по мелочи. И себе я взяла сапоги болгарские, и Витьке... Светлане взяла кофточку с карманами накладными... подарочек будет...

Ольга щебетала, перечисляя свои заслуги по добытию дефицита.

— А матери? — перебил ее Николай.

— Что матери?

— А матери чего взяла?

— Так ить... Она не просила ничего.

— Ну а подарочек? Она, значит, за детьми там приглядывает, корову доит и пасет, все хозяйство на ней, а мы ей — ничего? — его металлический голос резанул пространство зала ожидания. Односельчане оглянулись.

— Ой, да ладно, Коль. Что ей надо-то? — тихо успокаивала мужа Ольга. — Ну, хочешь, я тот платок газовой ей отдам, голубой. Мне к пальто, конечно, но отдам, чего уж... А еще — вон матрешку в ларьке сейчас куплю...

— Матрешку! — сказал как пристыдил.

— Ну и чего ты? Чего разошелся-то?! Меня укоряешь, а сам же со мной ходил везде, хоть бы и подсказал. Ну была я...

А Николай отчетливо вспомнил мать, как провожала она их, как стояла в стороне в своем старом, еще отцовском, жилете, платочке и калошах, как расстроена была из-за этого сала, пропади оно...

Набрали они и друзьям, и знакомым даров, а родной матери... Матрешку? И ведь права жена. Он виноват. Его же мать...

Николай не знал, куда идти, он просто обошел здание вокзала и пошел на площадь. Должны ж здесь поблизости быть магазины. Но ничего подходящего не находилось... Бижутерия, парики, безделушки, тряпье... Он искал обувь или хорошую верхнюю одежду, но ничего такого не попадалось на глаза.

А на вокзале уже объявили прибытие их поезда. Ольга переживала, не спускала глаз с вокзальных дверей.

Они направились на перрон. Односельчане помогли. Перебежками, с сумками и сетками, набитыми продуктами и вещами, потихоньку они дошли до своих вагонов.

Все переживали и за Ольгу, и за Николая. А он все отдалялся и отдалялся от вокзала.

И тут он увидел магазин «Радиотехника», а в витрине — телевизоры. То, что надо!

Так и вспомнил, как мать, чуть ли не раскрыв рот, смотрела на днях у них программу «Очевидное — невероятное». А он еще подивился: надо же, ее такие вещи интересуют?

Но они полгода стояли в очереди на приобретение цветного телевизора... Навряд ли можно его купить вот так, зайдя в магазин.

Так и вышло. Продавщица вяло посмотрела на провинциала и четко ответила:

— Телевизоров в свободной продаже нет.

— А если я доплачу? — предложил он.

— Ну здравствуйте! — она посмотрела на него коровьими глазами с накладными ресницами и произнесла. — Вы ж не на базаре, мужчина! Мы — магазин, а не спекулянты.

Он вышел из магазина, посмотрел на часы. Время! Совсем нет времени искать что-то... Он направился к вокзалу и все думал и думал о матери.

Он — обо всех заботился, слыл руководителем, думающим о своих работниках. Стольким семьям помог, столько домов отстроил. А сколько работы проводилось по идейно-воспитательной работе совхозного коллектива, сколько говорили об уважении к ветеранам.

А сам ведь груб с матерью всегда был. Его мать живет в старой халупе, в общем-то. О ремонте там он и не помышлял никогда.

И вот сейчас, после всех похвал, после почестей, которые получил он в последнее время, появилось ощущение пустоты и ничтожности их перед чувством сыновней любви и благодарности.

Николай еще не ушел далеко, услышал оклик:

— Пойдите, мужчина!

Его догонял низкорослый и полный мужичок. Николаю показалось, что видел он его в магазине.

— Вам телевизор нужен?

— Да, очень. Цветной.

— У нас тут отказ от одного телевизора, знаете ли, но... Марка дорогая, новая, и ну... вообще... Если возьмете — не пожалеете. Новый, отличный, вот только гарантийных документов нет. Но обещаю — отличный телевизор...

— Возьму! — перебил его Николай. — Сколько? И когда товарищ назвал сумму, Николай полез

в кошелек. Но денег хватало — мотоцикл же продали, да и многое из желаемого в Москве просто не нашлось.

Телевизор был действительно новый. Продавец предложил его распаковать, показать картинку, но Николай уже очень спешил.

— Если обманули, вернусь — учтите. Беру матери. Не прощу...

Ольга уже отчаялась. Поезд вот-вот отправится, а место Николая пусто. И вот раздался один короткий свисток. Поезд, выпустив белые пышные клубы, вздохнул и медленно стронул с места свои закопченные колеса.

Ольга прислонилась щекой к окну, но Николая видно не было.

— Не успел, значит. Ну не волнуйся, Оль. Приедет следом, чай не маленький, — успокаивала ее Наталья Коновалова.

Но Ольга никак не могла прийти в себя. Все думала и думала о муже. И не думала она, что его любовь к матери столь сильна, и не замечала...

Но минут через пятнадцать с большой коробкой, которую ему помогли нести какие-то солдатики, Николай появился. Мокрый и красный от натуги, но довольный.

— Телевизор? — Ольга прочла надпись на коробке.

— Ага, — Николай устало бухнулся на сиденье.

— Это ты матери? — с осторожностью спросила Ольга.

Судя по коробке, даже у них телевизор был куда меньше.

— Ей, конечно.

— Так ведь у нее и антенны нет даже.

— Нет, значит — будет. И еще, с ремонтом Лизкиной комнаты подождем — сначала матери сделаем. Там уж вообще плачевно все.

Ольга аж глаза выпучила. Дочь так ждет этого обновления.

— Лиза расстроится очень, — с осторожностью сказала.

— Ничего, у Лизы еще есть время. А у матери его не так уж и много. Да и порадуетесь пусть за бабушку. Чай, не эгоистка...

Больше об этом не говорили. Ольга смотрела на телевизор под ногами без удовольствия. И все время думала: если б догадалась купить свекрови хоть что-то, и деньги б на него не ушли, и дочь бы не рыдала из-за того, что ремонта ей пока не видать.

Когда приехали домой и занесли телевизор, Лиза захлопала в ладоши:

— Новый телик! Ура! Большой какой! А старый, пап, мне в комнату — ладно? Ну, после ремонта.

Николай и Ольга молчали.

Анна суетилась у плиты. Борщ готов, а вот салаты — не успела. Неповоротливая и медлительная стала совсем. Анна крошила овощи и волновалась, что вот сейчас все сядут отобедать, и окажется, что ничего и не готово. Быстро надо, быстро.

И тут за плечи взял ее сын. Отвлекает, а ведь некогда...

— Мам, а это тебе подарок из самой Москвы.

— Мне! Ну спасибочко. А чего за подарок-то? — она смотрела на сына, на руки невестки, но в их руках ничего не было.

— Ну так вот же — телевизор. Это тебе.

Анна захлопала глазами. Это как же так? Да нет! И не надо ей! Это ж сколько денег стоит! Да и не заслужила...

— Па-ап, ты чего? Серьезно? Зачем бабушке такой большой-то?

— Так глаза у нее уж плохо видят, ей и надо — большой. И еще, мам, начнем ремонт у тебя скоро. Потихоньку, частями. Сделаем тебе нормальный дом.

Анна молчала, она все оглядывалась на доску с недорезанными огурцами, а глаза наполнялись слезами. Дорезать бы салат — так уж не видит ничего. А салат-то как же? А обед? Она утиралась фартуком.

Николаю не терпелось установить телевизор — он побежал за мастером.

На крыльце Ольга успокаивала плачущую дочь. И эти слезы совсем не тронули Николая. По крайней мере, несравнимо с тем, как только что тронули слезы матери.

Вспомнил, как плакала она за сараем, когда выбрали его первый раз председателем колхоза. Как тогда ему вдруг понятно стало, насколько важен этот шаг в его жизни. Важен — раз даже мать от счастья плачет.

Телевизор не подвел. Аж Гена, местный мастер по телевизорам, засмотрелся.

— Да, Николай Михайлович, такую модель еще не видывал. А он у вас тут стоять будет? — Гена осмотрел убогое пространство материнского жилья.

— Тут. Мы с телевизора начали. Теперь и ремонтом займемся.

Мать еще не ходила в свой домишко, все суежилась с обедом и помощью семье. И так ей стыдно было перед внучкой и Ольгой, так стыдно. И когда пришли они вместе с Витькой обучать бабушку пользоваться новой техникой, она плохо вникала.

Все уговаривала — телевизор в их дом поставить. Мол, и не нужен он ей, и вредный, и громкий, и глаза уж не те. Но Николай не слушал. Всю жизнь мать так. Ничего-то ей не нужно. Но теперь он был настойчив.

Еще и еще раз объяснял ей правила включения.

Вечером Николай вышел покурить во двор. У матери синим экраном телевизора отсвечивало окно. Он затушил сигарету, потихоньку подошел и посмотрел.

Мать с распущенными волосами, в осветивших ее лучах телеэкрана, сидела на своей постели в ситцевой рубашке. В руках — расческа, но она застыла как изваяние. И лицо ее казалось сейчас совсем не старым, а скорее девичьим.

Такой он ее уж и не помнил — всегда с пучком. А волосы-то длинные, лежат прямо на постели. Она, широко раскрыв глаза, внимательно смотрела на экран и напоминала ребенка — маленькую девочку, восхищенно смотрящую на будущую жизнь.

Из калитки вышла Лиза — снимала белье с веревки.

— Подь сюда! Глянь...

Дочка подошла, держа на руке снятое белье, и долго смотрела в окно на бабушку. А потом повернулась к отцу, уткнулась головой ему в грудь и произнесла:

— Прости меня, пап. Я такая дурочка...

— Так ведь тебе простительно. Юная ты еще. А я вот уж взрослый дурак. Давно надо было...

Анна смотрела фильм «Алые паруса». Она никогда его не видела и не слышала эту историю. Поэтому не понимала, что это всего лишь фильм, Анна не очень была просвещена в вопросе киноиндустрии.

Она застыла и до самого конца была уверена, что Ассоль — реальная девушка, и то, что показывают, происходит именно сейчас. Где-то далеко-далеко, но прямо сейчас. Она волновалась и жалела героиню. Анна была уверена — Ассоль зря надеется, глупо.

— Да что ты, милая! Не будет этого, — пыталась подсказать она бедной девушке.

А когда по экрану поплыли алые паруса, Анна вскочила и начала ходить по комнате, хлопая себя по коленям. Вот те и на! Вот Грей — выдумщик. Вот придумал!

А потом она аккуратно выключила телевизор, легла и заплакала. Не из-за радости за Ассоль, а из-за радости за себя. Вот и у нее также хорошо все сложилось. Муж был добрый. И сын у нее — самый лучший, и внуки... Свои у нее есть — алые паруса.

Наталья Павлинова

